

Экстремальный пианизм

Известия - 2005 - 1 марта - с. 14.

ЕКАТЕРИНА БИРЮКОВА

Пианист Борис Березовский дал сольный концерт в Большом зале консерватории. Он сыграл музыку двух фортепианных богов — Метнера и Шопена, а также шопеновские транскрипции одного искусного фортепианного черта — Леопольда Годовского. Понятно, кто оказался в выигрыше.

Борис Березовский — один из немногих качественных пианистов, способных собрать Большой зал консерватории. После победы на конкурсе Чайковского в 90-м году он не растерял своего тонкого сценического обаяния, не скатился в езженный мейнстрим. В Москве он в последнее время появляется с достойными, но не обидными для нас интервалами (основное место обитания Березовского — Лондон), четко выстраивая вполне индивидуальную репертуарную стратегию. Ее я бы определила как спортивно-исследовательскую, иногда переходящую в спортивно-экстремальную.

Программы Березовского всегда радуют либо свежестью репертуара, либо нестандартным подходом к тому, что свежим никак не назовешь. В его исполнении легко услышать что-нибудь из Шнитке или Хин-

демита. А если уж пианист возьмется играть обычные фортепианные концерты Бетховена, то за один изматывающий вечер сыграет все пять штук. Этот его рекорд до недавнего времени оставался самым знаменитым, но теперь можно считать, что взята новая высота. Березовский исполнил подборку из этюдов Шопена и транскрипций знаменитого польско-американского виртуоза начала XX века Леопольда Годовского. Последние являются одними из самых затейливых упражнений, имеющихся в фортепианной музыке.

При этом Березовский вряд ли задавался целью найти какие-либо иные художественные достоинства аранжировок, скорее он давал любопытную возможность сопоставить их с первоисточником. Сначала, к примеру, звучит до-мажорный этюд Шопена, где одна рука мечется взад-вперед по роялю, а другая всего лишь чинно бухает басы. А за ним без остановки — версия Годовского, и там уже, будьте спокойны, по роялю мечутся обе конечности. А потом до-диез-минорный этюд, где у Шопена полностью заняты и правая, и левая. И следом — Годовский, который заставляет управляться со всей этой бегомней только одной левой. И так далее — вплоть до самого искусного измывательства, когда двумя руками пианист должен играть два этюда Шопена одновременно.

В общем, разница между просто Шопеном и Шопеном — Годовским, как между циркачом, который идет по канату, и им же — но который катится по канату на велосипеде с завязанными глазами. Что уж и говорить, что если в случае с Бетховеном на первый план выходило не качество, а поражающее воображение количество (пять концертов подряд и выслушать-то сложно, не то что сыграть), то в случае с Годовским опять-таки было не до интеллектуально-сравнительного анализа. Главное — экстремальность ситуации, главное — что с честно справляющегося со всеми этими техническими излишествами пианиста ручьями стекает пот, а у слушателей (особенно если они сами хоть раз в жизни пытались сыграть хоть один этюд Шопена) захватывает дух, и адреналин вырабатывается в диких количествах.

Это, согласитесь, не самый характерный и, в общем-то, не самый плохой результат от посещения консерватории. Но жаль, что за всем этим как-то совсем потерялся сам Шопен и уж тем более — ни в чем не повинный Метнер, музыка которого (пять «Сказок» и соната «Ночной ветер»), довольно однообразно сыгранной, открывался этот удивительный спортивно-музыкальный вечер.